

Gati A.L., Suleymanov J.I.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2024.77.40-46

UDC: 343.1

Nightmares of the criminal process

Abstract: The current criminal procedure legislation of the Republic of Azerbaijan (unfortunately) does not provide for the goals and objectives declared in the Criminal Procedure Code, and is not an engine, but a brake on criminal policy. At present, the philosophy of the criminal procedure of Azerbaijan is not a system of methodological principles, but a conglomerate of paradoxes, and not those that have geniuses as friends (A.S. Pushkin).

Therefore, we propose to begin work on a new Criminal Procedure Code, with the invitation of specialists, and without authors.

Keywords: criminal process; criminal procedure legislation; criminal policy; philosophy of criminal process; contradictions; collisions.

References

1. Dibiroy E.A., Suleymanov J.I. Paradoxes of the Criminal Procedure Code of the Republic of Azerbaijan // Science and Education. Collection of scientific articles. 2003. No. 1, pp. 108-115 (in Russian).
2. Rajabova T.F., Suleymanov J.I. Paradoxes of the Criminal Procedure Code of the Republic of Azerbaijan (part 2) // Science and Education. Collection of scientific articles. 2003. No. 2, pp. 90-102 (in Russian).
3. Commentary on the paradoxes of the Criminal Procedure Code of the Republic of Azerbaijan. Part 1: under the general editorship of dunes, Prof. J.I. Suleymanov. Baku: Tafaccur Publ., 2004, 120 p. (in Russian).
4. Suleymanov J.I., Shiraliyeva S.J. Problems of the Criminal Procedure Code of the Republic of Azerbaijan // Science and Education. Collection of scientific articles. 2004. No. 9, pp. 57-66 (in Russian).
5. Suleymanov J.I. Collisions of the criminal procedure legislation of the Republic of Azerbaijan in terms of objectives, principles and conditions of criminal proceedings // Juridical Sciences and Education. 2017. No. 52, pp. 260-276 (in Russian).
6. Suleymanov J.I. Alogisms and corruption-generating factors of the Criminal Procedure Code of the Republic of Azerbaijan // Juridical Sciences and Education. 2024. No. 75, pp. 237-249 (in Russian).

♦Gati Alekper Lachin oglu – a dissertator of the National Academy of Aviation (Azerbaijan).E-mail:mktd17@mail.ru
Suleymanov Javanshir Islam oglu – Doctor of Juridical Sciences, Professor (Azerbaijan).
E-mail: mopi_sid@yahoo.com

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2024.77. 40-46

УДК: 343.1

Кошмары уголовного процесса

Аннотация: Действующее в настоящее время уголовно-процессуальное законодательство Азербайджанской Республики (к большому сожалению) не обеспечивает продекларированные в УПК цели и задачи, является не двигателем, а тормозом уголовной политики. В настоящее время философия уголовного процесса Азербайджана представляет собой не систему методологических принципов, а конгломерат парадоксов, причем не тех, что имеют гениев в друзьях (А.С. Пушкин).

Поэтому, предлагаем начать работу над новым УПК, причем с приглашением специалистов, и без авторов.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовно-процессуальное законодательство; уголовная политика; философия уголовного процесса; противоречия; коллизии.

Вообще то, под кошмарами понимают пугающие сновидения, но когда таковые появляются в реальной жизни, бытие, то говорить приходится об иной патологии, иных аномалиях. Тем более, если они устойчивы во времени и осуществляемой (либо имитируемой) деятельности.

К кошмарам наяву относятся тугодумие, дезорганизованность мышления, «сверхценные» и навязчивые идеи, *pertinacia* – чрезмерная и неблагоприятная настойчивость (упёртость) и другие, как правило, обусловленные поверхностью знаний, отсутствием опыта, завышенной самооценкой, происходящей из временных и случайных карьерных ситуаций, иных «положительных» качеств личности.

Не исключены и конспирологические версии об умышленном вредительстве западных засланцев, прошедших курсы в общеизвестных центрах подготовки агентов влияния. Тем более, что судебно-следственной практикой последних лет такие факты исчисляются сотнями.

Однако, по порядку. Общеизвестно, что уголовный процесс как составная часть уголовной политики есть способ существования реального уголовного права, его проводник в бытие.

Между тем, действующее в настоящее время уголовно-процессуальное законодательство Азербайджанской Республики (к большому сожалению) не обеспечивает продекларированные в УПК цели и задачи, является не двигателем, а тормозом уголовной политики. В настоящее время философия уголовного процесса Азербайджана представляет собой не систему методологических принципов, а конгломерат парадоксов, причем не тех, что имеют гениев в друзьях (А.С. Пушкин). Посудите сами.

---

* Гати Алекпер Лачин оглы – диссертант Национальной Академии Авиации (Азербайджан).
E-mail: mktd17@mail.ru

Сулейманов Джаваншир Ислам оглы – доктор юридических наук, профессор (Азербайджан).
E-mail: mopi_sid@yahoo.com

1) С сентября 2000 г., т.е. со дня принятия нового УПК до настоящего времени в качестве основного принципа уголовного судопроизводства в нем значится ст. 23, согласно которой уголовное судопроизводство осуществляется только судом.

Сперва думали опечатка, вместо «правосудия» написали «уголовное судопроизводство», от ошибок никто не застрахован.

Написали в ММ, аппарат Президента, за 24 года было несколько сотен обращений, докладов на различных конференциях, издали даже книгу «Комментарий к парадоксам УПК Азербайджанской Республики» (1 часть) [3]. Издание второй части затормозил бывший генеральный прокурор, сочтя её подкопом под его мифический авторитет. В итоге получили из ПА сообщение, чтоб не умничали и перестали лезть не в свои дела: в ст. 23 УПК всё правильно.

Вопрос: если правильно, значит ли это, что все, что наплодили с 2000 г. (за 24 года) следователи, дознаватели и прокуроры является нелегитимным и подлежат отмене? Второй вопрос: с каких это пор и по какому праву полуграмотные чиновники судят о делах, которые не понимают?

2) Вопреки общепринятым концепциям, по УПК Азербайджанской Республики, понятия уголовный процесс и уголовное судопроизводство не являются тождественными. Так, ст. 7.0.3 УПК гласит, что уголовный процесс – совокупность процессуальных действий и принятых процессуальных постановлений по уголовному преследованию. Согласно ст. 7.0.8 УПК – уголовное судопроизводство – это досудебное производство и производство в судах первой, апелляционной и кассационной инстанциях. Получается, что уголовный процесс – это статика, а судопроизводство – динамика.

При такой трактовке процесса теряют смысл положения об участниках (ст. 7.0.18) уголовного процесса, к которым отнесены защитники, обвиняемые и подозреваемые, хотя они процессуальные действия по уголовному преследованию осуществлять не могут и процессуальные постановления по уголовному преследованию не выносят.

Более того, согласно ст. 7.0.5 УПК к органам, осуществляющим уголовный процесс, т.е. формирующим совокупность по уголовному преследованию отнесены суды. (???) [1, с. 108-115].

3) УПК Азербайджанской Республики очевидно единственный, в котором одно и то же лицо может иметь два статуса.

Так, согласно ст. 90 УПК, подозреваемым признается лицо, в отношении которого принято постановление о задержании для предъявления ему обвинения. Однако, если есть обвинение, то это уже обвиняемый [2, с. 90-102].

4) Согласно ст. 53.4 УПК, следователь, прокурор и суд вправе приостановить все производство по делу, по которому проходят несколько обвиняемых, если один из обвиняемых скрылся, а без него невозможно объективно рассмотреть дело.

Получается, что остальные будут находиться в статусе обвиняемых пока беглеца не поймают или по делу не истекнут сроки.

5) Статья 148.1 УПК гласит: “При возникновении подозрения в совершении преступления задержание лица осуществляется в случае непосредственно возникшего подозрения в совершении им преступления или при наличии других данных, дающих основание подозревать совершение им предусмотренного уголовным законом деяния”.

Между тем, в статье 7 УПК понятие “непосредственно возникшее подозрение” отсутствует, чем оно отличается от “опосредственно возникшего подозрения”, существуют ли такие и у кого они возникают, в УПК не говорится. Идет ли речь об оценке доказательств либо “телефонном праве”, либо о чем-то другом остается лишь гадать [4, с. 57-66].

б) Статья 148.4 УПК гласит: “При наличии одного из оснований, предусмотренных статьями 148.1 и 148.2 настоящего Кодекса, задержание может быть проведено до возбуждения соответствующего уголовного дела. Если до истечения 24 часов с момента задержания лица не будет принято решение о возбуждении уголовного дела, задержанное лицо подлежит немедленному освобождению”.

Попытаемся проанализировать изложенное. Согласно статьи 90 УПК, лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, признается подозреваемым. Согласно ст. 7.0.18 УПК подозреваемый является участником уголовного процесса, а согласно ст. 7.0.19 УПК - стороной уголовного процесса. Согласно ст. 7.0.3 УПК, “уголовный процесс - совокупность проводимых процессуальных действий и принимаемых процессуальных решений по уголовному преследованию”. Согласно ст. 7.0.5 УПК, “органы, осуществляющие уголовный процесс - органы дознания, следствия, прокуратуры и суда, в производстве которых находится уголовное дело или иные материалы, связанные с уголовным расследованием”.

“Иные материалы, связанные с уголовным преследованием (ст. 7.0.7 УПК) - материалы, собранные в связи с осуществлением уголовного преследования по упрощенному досудебному производству или жалобе в порядке частного обвинения, либо особому производству”.

В нашем случае, процессуальная фигура подозреваемого появляется до возбуждения уголовного дела и при отсутствии “иных материалов, связанных с уголовным преследованием”, что исключает наличие уголовного процесса, уголовного судопроизводства, органов, осуществляющих уголовный процесс, его участников, сторон и много другого. Нет участников уголовного процесса - нет сторон уголовного процесса, нет подозреваемого - нет прав и обязанностей подозреваемого и т.д. и т.п.

Порочный круг данной ситуации подлежит исправлению.

7) Наряду с правом на защиту, одним из основных принципов уголовного процесса является презумпция невиновности (ст. 21. УПК), согласно которой всякий обвиняемый в совершении преступления признается невиновным пока его вина не будет доказана в порядке, предусмотренном УПК, и не будет вступившего в законную силу приговора суда об этом. Лицо, обвиняемое в совершении преступления, не обязано доказывать свою невиновность. Обязанность доказывания обвинения, опровержения доводов, выдвинутых в защиту обвиняемого, ложится на сторону обвинения.

Вместе с тем, согласно ст. 141.3 УПК, знание лицами закона, своих обязанностей по службе и профессиональных правил, а также отсутствие у лица специальной подготовки и образования в случае непредставления им документов, подтверждающих обратное, либо несообщения им наименования предприятия или иной организации, давших ему специальную подготовку и образование, признаются установленными без использования материалов производства по уголовному преследованию.

Налицо нарушение принципа презумпции невиновности и противоречивость положений. Утверждение о том, что все должны знать законы, справедливо, как и то, что незнание закона не освобождает от ответственности. Вместе тем, это не значит, что все знают законы, а для решения по делу безразлично знает ли лицо закон или нет. Незнание закона не освобо-

ждает от ответственности, но влияет на наказание, в связи с чем, данное обстоятельство является составной частью предмета доказывания и не должно признаваться установленным без использования материалов производства по уголовному преследованию.

Еще более парадоксально утверждение о том, что все лица должны знать свои обязанности по службе и профессиональные правила. К чему тогда разглагольствования о субъективной стороне преступления и необходимость расследования должностных и иных преступлений, связанных со службой и профессиональными обязанностями?

Аналогичная ситуация с документами о наличии у лица специальной подготовки и образования, а также несообщением им наименования предприятия или иной организации, давших ему специальную подготовку и образование [5, с. 260-276].

8) Статья 125 УПК Азербайджанской Республики “Допустимость доказательств” гласит, что недопустимо принятие в виде доказательств по уголовному делу сведений, документов и вещей, полученных с лишением или ограничением участников уголовного процесса их прав в нарушение требований, предусмотренных УПК.

Кроме того, недопустимо принятие в виде доказательств сведений, документов и вещей, полученных:

- с применением насилия, угрозы, обмана, пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижительных действий;
- с нарушением принадлежащих подозреваемому или обвиняемому прав на защиту, прав лица, не владеющего языком, на котором ведется уголовное судопроизводство;
- с использованием неправильного понимания своих прав и обязанностей участником уголовного процесса вследствие неразъяснения, неполного или неправильного разъяснения ему его прав и обязанностей;
- с грубыми нарушениями правил производства следственных или иных процессуальных действий;
- от лица, которое не способно опознать документ или иную вещь, подтвердить их действительность, источник, обстоятельства приобретения.

Сведения, документы и вещи, полученные в перечисленных случаях, признаются не имеющими юридической силы и не могут быть использованы в доказывании какого-либо обстоятельства.

Вместе с тем, ст. 125.8 УПК Азербайджанской Республики гласит, что обоснование недопустимости принятия доказательств, полученных с соблюдением требований УПК, ложится на оспаривающую сторону.

Представляется, что содержание перечисленных положений, в ряде случаев, неконкретно, противоречиво, носит декларативный характер, в связи с чем подлежит изменению.

Так, если доказательства получены с соблюдением требований УПК и нет предусмотренных законом критериев недопустимости, то, что оспаривать?

Как отмечалось, недопустимо принятие в виде доказательств по уголовному делу сведений, документов и вещей, полученных с лишением или ограничением участников уголовного процесса их прав, что должно или может повлиять на действительность этих доказательств.

О критериях определения влияния лишения или ограничения прав участников уголовного процесса на действительность доказательств в законе не говорится, что позволяет трактовать изложенное утверждение произвольно.

Относительно угроз, пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижительных действий, исключающих принятие в виде доказательств сведений, документов и вещей, полученных им посредством, ясно и двоякому толкованию не подлежит.

Сложнее обстоит дело с обманом и насилием. Согласно С.И. Ожегову, обмануть - это значит создать у кого-то ложное представление о чем-то, ввести в заблуждение, а ложь - намеренное искажение или утаивание истины, неправда. Обманывать не хорошо, но, что делать, если большинство тактических приемов и комбинаций, разработанных криминалистикой, все эти “следственные хитрости”, “психологические ловушки” и т.п. основаны на введении кого-либо в заблуждение, искажении или утаивании истины? Представляется, что данный вопрос носит проблемный характер и подлежит особому исследованию, которое не могут заменить декларативные заявления.

Аналогична ситуация с грубыми нарушениями правил производства следственных или иных процессуальных действий, исключающими принятие их результатов в виде доказательств. Как известно, правила производства следственных действий установлены Законом и, по сути своей, их нарушения являются нарушениями Закона. Критерии оценки нарушения в УПК не оговариваются, что также может привести к их неоднозначному толкованию. По этой причине, любое нарушение порядка производства следственных действий должно исключать их результаты из разряда доказательств.

Согласно ст. ст. 125.2.8 и 125.2.9 УПК получается, что табельное оружие за конкретным номером, использованное должностным лицом для совершения убийства, будучи представленным в суд нашедшим его прохожим или полученное по почте, в качестве доказательства принято не будет, даже при наличии соответствующих заключений экспертиз. Не будет это оружие доказательством и в случае, если не опознано (ст. 128.3. 2).

Наука, как известно, имеет особенность развиваться, поэтому “современные научные представления” как понятие абстрактное не может фигурировать в УПК.

9) Согласно ст. 126 УПК, показаниями признаются устные и письменные сведения, полученные от подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля органом, осуществляющим уголовный процесс в порядке, установленном УПК.

Доказательством могут быть признаны только те показания, которые основаны на сообщениях и выводах лица, непосредственно воспринимавшего событие, его причины, характер, механизм и развитие (ст. 126.2).

В качестве доказательств не могут быть использованы сведения, переданные органу, осуществляющему уголовный процесс, подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим или свидетелем с чужих слов. По решению суда в виде исключения в качестве доказательства могут быть приняты только сведения, полученные со слов умершего лица (ст. 126.3).

Следовательно, показания лица, о том, что в конкретное время и в конкретном месте при нормальном функционировании всех органов чувств, в здравом уме и сознании он преступное событие, его характер, механизм и т.п. не наблюдал, доказательством не будет!?? Даже, если на самом деле было так, а преступление совершено в другом месте, в другое время другим лицом? [6, с. 237-249].

10) Ст. 228 УПК Азербайджанской Республики предусматривает обязанность несовершеннолетнего говорить правду, хотя такая обязанность законом не предусмотрена [4, с. 57-66].

11) Преступления против мира и безопасности человечества, в сфере экономики, против общественной безопасности и общественного порядка, преступления против военной службы отнесены в УПК к разряду второстепенных и производство неотложных осмотров и обысков при их расследовании не разрешено, а при расследовании клеветы или незаконного производства аборта разрешено.

12) Новый УПК добавил в статус прокурора понятие «Процессуальное руководство предварительным расследованием».

Между тем, в ст. ст. 85 и 86 УПК отмечается, что ответственность за законность и своевременность производства процессуальных действий несут следователь и дознаватель.

Получается какой-то прокурор в законе: все решает, но ни за что не отвечает.

До недавнего времени ст. 239 УПК «Опознание лица» гласила, что в целях обеспечения безопасности опознающего или по его требованию представление лица для опознания может производиться в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающим опознаваемого лица???

В первых изданиях нового УПК на титульных листах значилось, что его авторами являются генеральный прокурор, министры внутренних дел и юстиции, заведомо ПА.

Таких ляпов в УПК остается очень много. Что же делать? Обратиться к Конституционному Закону «О нормативных правовых актах» и прибегнуть к способам устранения коллизий? Но парадоксов-коллизий очень много, они взаимосвязаны, одна ошибка влечет за собой другие. С 2000 г. в УПК было внесено более 200 изменений и дополнений, но суть УПК от этого не изменилась.

Поэтому, предлагаем начать работу над новым УПК, причем с приглашением специалистов, и без авторов.

Библиография

1. Дибиров Э.А., Сулейманов Д.И. Парадоксы УПК Азербайджанской Республики // Наука и образование. Сборник научных статей. 2003. № 1. – С. 108-115.
2. Раджабова Т.Ф., Сулейманов Д.И. Парадоксы УПК Азербайджанской Республики (часть 2) // Наука и образование. Сборник научных статей. 2003. № 2. – С. 90-102
3. Комментарий к парадоксам УПК Азербайджанской Республики. Часть 1: под общ. ред. д-ра, проф. Д.И. Сулейманова. – Баку: Тефеккюр, 2004. – 120 с
4. Сулейманов Д.И., Ширалиева С.Д. Проблемы УПК Азербайджанской Республики // Наука и образование. Сборник научных статей. 2004. № 9. – С. 57-66.
5. Сулейманов Д.И. Коллизии уголовно-процессуального законодательства Азербайджанской Республики в части задач, принципов и условий уголовного судопроизводства // Юридические науки и образование. 2017. № 52. – С. 260-276.
6. Сулейманов Д.И. Алогизмы и коррупциогенные факторы УПК Азербайджанской Республики // Юридические науки и образование. 2024. № 75. – С. 237-249.